

УДК 101

В.А. Тер-Аракельяни

кандидат богословия,

кандидат философских наук,

протоиерей Ростовской Епархии РПЦ

Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

**"ОКТАВИЙ" МИНУЦИЯ ФЕЛИКСА
ПРОТИВ ЭПИКУРЕЙЦА ФРОНТОНА**

[*V.A. Ter-Arakelyants* “Octavius” Minicius Felix against epicurist Fronton]

Christian and epicurean good cannot be comparable. Fronton criticizes namely Christianity and Christian themselves. Fronton is not embarrassed by the choice of words. The most negative thing you can hear about faith and its media are pronounced by him. Apparently, Fronton's opinion about Christianity is entirely composed of the most ridiculous rumors and speculation. But even in this form there is a positive outlook on some religious views among Christians. Apology of Christianity by Minicius Felix, with all its creations depending on Cicero and Seneca, is original and strikes by originality of views on Christianity.

Key words: Epicureanism, Christianity, pleasure, joy, apology, religion, mind, soul, freedom, freedom.

Время составления Минуцием Феликсом своего диалога может быть отнесено к 180-200 г.н.э. [1, с. 110]. Изучение этого трактата показало, что он создавался под сильным влиянием двух важнейших литературных источников первого века – «О природе богов» Цицерона, предопределившим не только его внешнюю форму, но и значительную часть содержания и разнообразных творений Сенеки.

Подобно тому как у Цицерона рассуждают между собой о природе богов трое: академик Котта, эпикуреец Веллий и стоик Бальб, на сцене диалога Минуция Феликса действуют три лица: Фронтон Цецилий с эпикурейских позиций защищает язычество и нападает на христиан; Октавий – адвокат христианства, Марк – молча выслушивает прения диспутантов и, наконец, в качестве третейского судьи высказывает приговор. В диспуте, описываемом Минуцием Феликсом, первым выходит на сцену Фронтон (Цецилий) [2, с. 24]. Открывает он свою речь чисто эпикурейским учением о недоступности для человеческого ума всякого познания о Боге, о полной невозможности допу-

стить какого-либо Бога-Творца и Промыслителя для объяснения мирового процесса. Он утверждает, что «все произошло из первоначальных элементов, существовавших в недрах природы: какой же тут творец Бог? Все части вселенной образовались, расположились одна подле другой и устроились от их случайного столкновения (все тех же атомов – В.Т.): какой же тут устроитель Бог? Огонь зажег звезды; образовал небо из своего вещества, утвердил землю посредством тяжести, привлек в море жидкости: к чему же религия, этот страх перед Божеством, это суеверие? Человек и всякое животное, слагается из произвольного соединения элементов и опять разрушается без всякого Художника, без Распорядителя, без Творца [7, с. 10].

Молнии падают во всяком месте, без разбора поражают храмы и дома, убивают порочных людей, не щадя часто и благочестивых, в пожарах одинаково погибают невинные и преступные; во время мира порок идет часто рядом с добродетелью, и в делах человеческих все сомнительно, неизвестно, неверно, только более вероятно, чем истинно [7, с. 11]. Где же тут божественное Провидение [7, с. 10]? Если бы миром управляла воля какого-нибудь божества, то никогда бы Фаларис и Дионисий не удостоились бы царства, Рутилий и Камилл не были бы наказаны ссылкой и Сократ принужден умереть от яда [2, с. 29]. Или истина сокрыта во мраке неизвестности, или же, что всего вероятнее, всем управляет без всяких законов непостоянный своенравный случай. Тем более достойно негодования или соболезнования то что некоторые, необразованные и невежды, чуждые понятия о самых простых искусствах (имеются в виду христиане – В.Т), осмеливаются рассуждать о сущности вещей, о Божестве, о чем в продолжение нескольких веков спорят философы [2, с. 30].

Далее из уст Фронтона следует критика непосредственно христианства и самих христиан. Фронтон не стесняется в выражениях. Все самое негативное, что можно сказать о вере и ее носителях, произносится им. По всей видимости, мнение Фронтона о христианстве целиком и полностью состоит из самых нелепых слухов и измышлений. Но даже в таком виде возникает позитивный взгляд на некоторые религиозные воззрения у христиан. Так, упоминая о христианском богопочитании, Фронтон, в частности, говорит: «И какого Бога они выдумывают? Они говорят, что Бог, Которого они не могут ни видеть, ни другим показать, тщательно следит за нравами всех людей, делами, словами и даже тайными помышлениями каждого человека, всюду проникает и везде

присутствует: таким образом, они представляют Его постоянно беспокойным, бесстыдно любопытным; присутствующим при всяких делах, Он находится во всяких местах, и потому, занятый всем миром, не может обнимать все его части; развлекаясь частями, Он не может обнимать целое» [2, с. 36 (Сар.Х)].

Из вышеприведенного отрывка явно ощущается ранее упоминаемый эпикурейский след и прежде всего в представлении о Провидении и отношении Бога и мира. Продолжая развивать свои эпикурейские воззрения на природу богов, Фронтон утверждает: «Пусть будет так! Но вот большая часть из них переживает бедность, страдает от холода и голода, обременена тяжким трудом. Где же этот вездесущий и всезнающий Бог? Или он не хочет, или не может помочь христианам; значит, он слаб и несправедлив... Вот пред христианами угрозы казней и аресты: где же тот Бог, Который не оказывает помощи живым?» [2, с. 36 (Сар.Х11)].

Фронтон, скорее всего, был знаком с христианами, или, по крайней мере, имел возможность наблюдать за ними хотя бы издалека. И действительно, целый ряд его сообщений о христианстве выказывают в нем очень тонкого наблюдателя и имеют свою историческую ценность. Сам того не желая, он не замалчивает и добрых сторон христианства, хотя из под его пера и эти идеальные черты христианства выходят крайне не привлекательно и приобретают своеобразный вид. «Они милосердствуют о бедных... сами полунагие [2, с. 36 (Сар.VIII)]; и не страшатся смерти... но боятся будущего [2, с. 36 (Сар.VIII)]». Ему также известна всеобщая любовь и братство, которая всех христиан, рассеянных по Империи, связывала в одну общую семью. «Эти люди, – пишет он, – питают друг к другу любовь, не будучи даже между собою знакомы, и они называют друг друга братьями и сестрами... но для того, чтоб обычное любоддеяние сделать кровосмешением» [2, с. 39 (Сар.IX)]. Итак, все совершенное в человечестве, по мнению эпикурейца Фронтонна, у христиан искажается до неузнаваемости, приобретая новые черты суеверия, безумия и разврата. В конечном результате для Фронтонна остается только один вывод в отношении христианства: «должно искоренить, уничтожить его» [2, с. 39 (Сар.IX)].

Разумеется, такого рода изображение новой религии не могло не привлечь к ней самого негативного внимания и не повлечь за собою массовых гонений, сопровождающихся пролитием множества крови ее последователей. На защиту невинных выступает апологет христианства Октавий (Минуций

Феликс). Рассмотрим аргументы, при помощи которых Октавий стремится защитить христианство, выступая против обличительной речи Фронтон. Логический план его апологии распределяется по тем же самым пунктам, в каких находится обличения Фронтон. В начале Октавий, как и Фронтон, касается космологического аргумента. И здесь мы видим ту коренную разницу, которая возникает по вопросу о причине миробытия в эпикурейском и христианском смысле. Так, если в устах языческого оратора рассмотрение миротворения и судьбы людей влечет за собой не только отрицание всякой возможности познания Божественного существа, но и отрицание всякого бытия Его, как Творца, Художника и Промыслителя, то, с точки зрения космологического доказательства бытия Божия, у Октавия все обстоит иначе. Указав на то что человек уже по самому своему физическому устройству предназначен к познанию Божества, ибо он одарен взором, устремленным на небо, способностью говорить и умом, при помощи которого он познает Бога, чувствует Его, подражает Ему и созерцает небесную красоту, поражающую его глаза [7, с.64]. «Люди, думающие, что весь этот благоустроенный мир создан не Божественным разумом, а составился из известных частей, соединившихся между собой без всякой цели, не имеет ни разума, ни мысли, ни даже глаз» [7, с.81]. «Не усматривается ли из этого пропорционально устроенного мира, что Бог есть Художник?» [2, с. 42].

С этим выводом вполне согласуется и христианское учение о Боге. Далее, по вопросу начала сущего, Октавий, в лице лучших выразителей религиозного сознания древности, приводит воззрения философов. Для чего указывает на их полное согласие с христианским учением. После этого он переходит непосредственно к обличению язычества, указывая на естественное, то есть человеческое происхождение богов, дает характеристику им и указывает на значение их для римского государства. Попутно Октавий высказывает христианскую точку зрения в отношении к языческим гаданиям и оракулам [2, с. 42].

В дальнейшей своей апологии, отвечая на вопрос о нестроениях существующих в мире, Октавий считает необходимым вскрыть их причину. Для этого он намерен показать христианское учение о демонах. Здесь «он развивает целую теорию демонологии, имеющую очень важное значение в религиозном мирозерцании христиан того времени» [2, с. 59]. Для достижения поставленной цели Октавий использовал несколько источников. Первым из

них явилась апокрифическая книга «Тайн Еноха» [2, с. 59], где передается история высших ангелов, падших с неба из любви к человеческим женам, сочтавшихся с ними и породивших гигантов, научивших людей всем порокам. В изложении Иосифа Флавия [2, с. 59] она перешла к христианским писателям, и, в частности, Иустину Философу [2, с. 60], Афинагору [2, с. 59], Тертуллиану и др. Наиболее отчетливое выражение оно находит у Тертуллиана. «Мы, христиане, – пишет он, – утверждаем существование известного рода духов. Имя их не ново; так как и Сократ совещался со своим демоном; бытия ангелов не отрицает и сам Платон. Но только из Священных Писаний можно узнать действительно происхождение их, – как от ангелов, развращенных собственной виной, возник еще более развращенный род демонов, осужденный Богом вместе с виновником их, называемым князем» [2, с. 60].

По мнению христианского апологета, вся религиозно-нравственная жизнь греко-римского человечества сложилась и развилась под воздействием демонов. Цитируя св. Иустина Философа он утверждает, что: «Еще в древности злые демоны открыто являясь людям, оскверняли женщин и отроков, наводили на людей поразительные ужасы, так, что те, которые разумно рассуждали о них, будучи объаты страхом, называли их богами и давали им то самое имя, какое каждый из демонов выбирал себе» [2, с. 61]. «Подчинив себе все человечество и убедив его признать себя за богов, демоны держат его в постоянном страхе и рабстве посредством сновидений и магических очарований» [2, с. 62]. «Они же являются причиной всех нестроений, несчастий, обманов и пороков в истории и жизни человека» [2, с. 62]. «Их главное дело, для которого собственно и посланы они в мир, состоит ни в чем другом, как в делании зла» [2, с. 62]. «Они показали людям порядок и расположение звезд. Самое распределение Зодиака есть дело демонов... Они удостоили небесной почести животных... – поместили на небе и убедили людей, что жизнь на земле, чуждая разуму, согласна с разумом...» [2, с. 63]. «Они – демоны – посеяли между людьми убийства, войну, любодеяния, распутства» [2, с. 63]; «дурные законы также обязаны им своим происхождением» [2, с. 63]. «По наущению их Сократ был осужден на смерть [2, с.63]. и Христос распят на кресте» [2, с. 63]. Под влиянием демонов все, старавшиеся жить в согласии с Логосом и удаляться от зла, были ненавидимы.

Удивительным обстоятельством, отмеченным апологетом христианства, является то что самым непосредственным образом своему благополучию и

успеху философия Эпикура обязана демонам. «А что добрые, как Сократ и подобные ему, бывают гонимы и заключаемы в узы, а Сарданапал, Эпикур и подобные ему благоденствуют в изобилии и славе, то все это происходит по действию демонов» [2, с. 63]. «Посредством демонов происходят болезни, и они же могут возвращать человеку здоровье, уничтожив болезнь, которую они сами и произвели» [2, с. 64]. При всем том самыми ненавистными людьми для них являются христиане.

Из вышесказанного следует, что такое мировоззрение не было одной только теорией, но одним из самых существенных религиозных обстоятельств жизни христиан того времени. В своей противэпикурейской полемике Минуций Феликс встает на почву общехристианского демонологического мирозерцания. «Есть лживые нечистые духи, ниспавшие с небесной чистоты в тину земных страстей. Лишившись чистоты своей природы, осквернив себя пороками, сами уже погибшие, они для утешения себя в несчастьи не перестают губить других, и будучи отчужденными от Бога, усиливаются всех удалить от Бога, вводя между людьми ложные религии» [2, с. 64]. Одним словом, «они отвращают людей от неба к земле, от Бога – к веществу...» [2, с. 64]. «В них же, в этих демонах, лежит и последний источник гонений, поднятых языческим обществом и властью на христиан, и всех тех сплетен и басен, распущенных в греко-римском обществе насчет религии христиан и их богослужебных собраний» [2, с. 65].

Далее следующая изумительная по силе апология христианства в той или иной степени возвращается к критике эпикурейских воззрений Фронтонна. Так, на его утверждение, что Бог не знает человеческих действий и, занятый всем миром, не может обнимать его частей и обращать внимание на целое [2, с. 69], Октавий возражает: «Каким образом Бог далек от человека, когда Он, пребывая повсюду, не только близок к человеку, но и влит в него [2, с. 69]? Солнце, утвержденное на небе, разливает свои лучи по всем сторонам, всюду присутствует, всему дает себя чувствовать, и никогда не изменяется его светлость [2, с. 69]. Не тем ли более Бог, Творец всего и Всевидец, от Которого ничто не может быть тайным, находится и в помышлениях наших, которые суть как бы тьма?» [2, с. 69].

Возражая по поводу эпикурейских мнений о вечности и неразрушимости мира, а также смертности души, Октавий пишет: «Христианское учение об уничтожении всего мира огнем и продолжении жизни после смерти не представ-

ляет собой какой-либо новости, неизвестной древней философии. Стоики всегда утверждали, что весь этот мир, лишившись влаги, истребится посредством огня [2, с. 70]. Ясно, что греческие философы рассуждали так, как умствуют христиане. Вот, например, Пифагор, и, в особенности, Платон – они передали образованным людям греко-римского мира учение о продолжении жизни после смерти, хотя и не в полном, а поврежденном виде. Их заблуждение состояло в том, что, по их мнению, одни души по разрушению тела продолжают существовать вечно, причем переходят в другие новые тела – тела скотов и птиц, зверей. Но при всех этих недостатках важно то, что греческие философы и по этому пункту учили согласно с христианами. «И в самом деле, кто столь глуп и бессмыслен, чтобы осмелиться говорить, что Бог, первоначально создавший человека, не мог потом воссоздать его? Не труднее ли дать бытие сначала, чем потом возвращать его? Да и не вся ли природа внушает мысль о будущем воскресении? Солнце заходит и вновь появляется; звезды скрываются и опять возвращаются, семена не возродятся прежде, чем не сгниют» [2, с. 70].

Здесь, касаясь непосредственно эпикурейского учения о смерти, Октавий замечает: «Но смерть? Она скрывает за собой нечто загадочное... (Люди) не столько убеждены, что уничтожатся после смерти, сколько желают этого, так как им приятнее уничтожиться, чем воскреснуть для мучений» [2, с. 70]. На упрек Фронтонa по поводу нищеты христиан Октавий пишет: «Это не позор для них, а слава. – Да и как может быть беден тот, кто не имеет недостатка, не жаждет другое [2, с. 70]? Никто не может быть так беден, как он родился. Птицы живут без всякого наследства от родителей, и каждый день доставляет им пищу» [2, с. 64]. На эпикурейское обвинение христиан в том, что они, «удрученные заботами и беспокойством, чуждаются даже благопристойных удовольствий, не участвуют в общественных пиршествах, гнушаются священных жертвенных явств и вина» [2, с. 70], Октавий говорит: «Если люди чувствуют недостатки тела и терпят их, то это не наказание, но принадлежность человеческого воинствования» [2, с. 71]. «Мужество укрепляется немощами, и несчастье часто бывает школой добродетели» [2, с. 71]. Нельзя думать поэтому, что Бог не был силен помочь христианам или оставил их: «Он подвергает каждого испытаниям, смотрит на его нравственное расположение и следит до последнего вздоха. Таким образом, люди испытываются несчастьем, как золото огнем» [2, с. 71].

Заканчивает свою апологию Октавий-Минуций гимном христианской мудрости, показывая всю тщетность языческой философии, он утверждает, что только христианам открылось то «чего искали с усилиями все философы и не могли найти» [2, с.73]. Лишь среди христиан и в лице их древнему миру стало возможным познание истинного Бога. Чего же еще им больше желать? «Будем пользоваться нашими благами, – восклицает он в конце своей речи, – будем держаться правила истины; да прекратится суеверие, да посрамится нечестие, да торжествует истинная религия!» [2, с. 71].

Апология христианства, составленная Минуцием Феликсом, при всей своей зависимости от творений Цицерона и Сенеки, все-таки оригинальна и поражает своеобразием воззрения на христианство. Надо признать, что догматический элемент в ней совершенно отсутствует, никаких цитат из Евангелия не встречается, и о Христе он говорит только мимоходом. По мнению А.А Спасского, «это морально-философская религия, основанная на стоической системе в ее лучших представителях» [2, с. 74]. Теоретическая противоположность между христианством и эллинизмом почти исчезает. Все выдающиеся философы древности, учившие о начале вещей, Боге и мироздании, высказывали те же самые воззрения, какие проповедует и христианство. Это мнение Минуций выражает в знаменитую свою формулу: «Или нынешние христиане – философы, или философы были христианами» [2, с. 74]. И даже более того, Минуций Феликс писал, что греческие философы давно пришли к монотеизму, почитанию единого Бога-творца. Как это ни странно, в «монотеисты и христиане до Христа» включается и Эпикур «ставивший выше всего» единую природу, в компании с Демокритом и Аристотелем оказался среди тех, кто «были уже тогда христианами», так как, по мнению апологета, они под различными именами указывали и на единого Бога [2, с. 73]. Однако возникают два вопроса: против какой философии выступает сам апологет и что является предметом его полемики? Вывод очевиден: как и стоики, Минуций Феликс прежде всего выступает против эпикуреизма и, полемизируя с ним, стремится разрушить его построения как с позиций стоицизма, так и с сугубо христианских. Причиной этой полемики является то, что именно в морально-философской сфере он видит главное отличие между эпикуреизмом и христианством, и проводит между ними резкую черту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотов В.В.*, проф. Лекции по истории древней Церкви. Введение в церковную историю. СПб., 1907.
2. *Спасский А.А.* Эллинизм и христианство. История литературно-религиозной полемики между эллинизмом и христианством в ранний период христианской истории (150-254). – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006. – 360 с.
3. *Тер-Аракельянц В.А.* Критика основ эпикуреизма в произведениях римских стоиков: Сенека и Эпиктет // Гуманитарные и социальные науки.2011. № 5. http://hses-online.ru/2011_05.html
4. *Тер-Аракельянц В.А.* Критика основ эпикуреизма в творениях Святых отцов и учителей ранней Церкви // Гуманитарные и социальные науки.2011. № 6. http://hses-online.ru/2011_06.html
5. *Тер-Аракельянц В.А.* Разочарование в жизни и надломленность волевой энергии как следствие учения Эпикура (критика этических оснований) // Гуманитарные и социально-экономические науки.2011. № 6.
6. *Тер-Аракельянц В.А.* Эпикуреизм Лукиана Самосатского и его отношение к христианству // Гуманитарные и социально-экономические науки.2014. № 6.
7. *Цицерон.* Философские трактаты/Пер. М.И.Рижского. М., 1985. Ср.: Cicero. De nat. Deor. I, 8.

REFERENCES

1. *Bolotov V.V.* Lectures on the history of the ancient Church. Introduction to church history. SPb., 1907.
2. *Spassky A.A.* Ellenizm and Christianity. The history of literary and religious controversy between ellenizmom and Christianity in the early period of Christian history (150-254). - SPb .: "Publisher Oleg Abyshko", 2006. - 360 p.
3. *Ter-Arakelyants V.A.* Criticism of the basis Epicureanism in the works of the Roman Stoics: Seneca and Epictetus // Humanities and Social nauki.2011. № 5. http://hses-online.ru/2011_05.html

4. *Ter-Arakelyants V.A.* Criticism of the basis Epicureanism in the works of the holy fathers and teachers of the early Church // Humanities and Social nauki.2011. № 6. http://hses-online.ru/2011_06.html
5. *Ter-Arakelyants V.A.* Disappointment in life and brokenness will energy as a result of the teachings of Epicurus (criticism ethical grounds) // Humanities and social-economic-nauki.2011. Number 6.
6. *Ter-Arakelyants V.A.* Epicureanism Lucian of Samosata and its relation to the Christian stvu // Humanitarian and socio-economic nauki.2014. Number 6.
7. *Cicero.* Philosophical treatises / Trans. M.I.Rizhskogo. M., 1985. Wed .: Cicero. De nat. Deor. I, 8.

10 ноября 2014 г.
